

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СОЖСКО-ОСТЁРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В статье рассматриваются проблемы археологии и истории сожско-остёрского междуречья второй половины I тысячелетия н.э. Показаны возможности хронологической и культурной дифференциации источников по ранней истории населения междуречья Сожа и Остра с привлечением данных археологии и письменных источников.

Ключевые слова: междуречье Сожа и Остра, лука-райковецкая культура, радимичи, селище, раннее средневековье, древнерусский период.

The article deals with the problems of archeology and the history of the Sozhsko-Oster interfluvium between the second half of the 1st millennium AD. The possibilities of chronological and cultural differentiation of sources from the early history of the population between the Sozh and Oster rivers with the use of archeological data and written sources are shown.

Key words: Sozh and Oster interfluvium, luka-raykovets culture, radimichi, settlement, early middle ages, old russian period.

Настоящая статья представляет собой размышление о сложившейся ситуации в изучении раннесредневековых памятников междуречья Сожа и Остра (Кричевский и Климовичский районы Могилёвской области) и определении их места в контексте раннесредневековой истории и археологии восточной Беларуси и сопредельных территорий.

Цель данной статьи заключается в осмыслении археологических материалов, полученных на памятниках средневекового времени в результате работ В. Ф. Копытина [4; 5], А. А. Метельского [8], А. В. Колосова [2; 3], Я. Л. Хомченко [14]. Основную источниковую базу статьи составляют материалы селищ: Зарубец-4, Дяговичи-2, Кулешовка-2, Каменка-1, Каменка-2, Каменка-3, Каменка-4 [2, с. 121-124; 3; 4; 5; 8; 14].

Актуальность данной работы определяется тем, что первые средневековые памятники Сожско-Остёрского междуречья выступают как объект изучения, материалы подвергаются всестороннему анализу, вовлекаются в научный оборот и контекст раннесредневековой истории с точки зрения хронологии и культурной дифференциации источников.

История изучения археологических памятников рассматриваемого региона весьма продолжительна. Изучение региона с разной степенью интенсивности осуществлялось со второй половины XVIII в. до современности (подробнее см.: [2; 3; 4; 5; 8; 13]). Поскольку история изучения средневековых древностей междуречья Сожа и Остра не является предметом нашей статьи – это особое поле для рассуждений и соответствующих публикаций – обратимся к рассмотрению письменных источников по раннесредневековой истории региона.

Летописные сведения о населении междуречья Сожа и Остра в раннее средневековье крайне скудны и обрывочны. Надо заметить, что эти свидетельства в целом общие для всего восточноевропейского региона. Тем не менее, отдельные аспекты жизни населения – речь в данном случае идёт о племенных объединениях радимичей и кривичей – нашли своё отражение на страницах «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) [6]. Поскольку рассматриваемый регион сопряжён с территорией расселения радимичей и кривичей, логично будет остановиться на рассмотрении летописных сведений о них.

Радимичи в летописной традиции являются пришлым населением и вместе с вятичами, по сведениям летописца, «пришли от рода ляхов» [6, с. 5]. И далее: «...были ведь два брата у ляхов Радим и другой Вятко и пришли и сели: Радим сел на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи и хорваты...» [6, с. 5].

Из данного сообщения летописца, можно сделать вывод о том, что радимичи и вятичи считались родственными по происхождению¹, а также то, что объединение полян, древлян, се-

верян, радимичей и хорватов «жили в мире», и, по-видимому, имели между собой связи [6, с. 5-7].

Идея родственности данных племенных групп развивается летописцем в дальнейшем повествовании, о сходности традиций и обычаев:

«...А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между сёлами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жён по слову с ними, имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нём тризну, затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают теперь вятичи...» [6, с. 5-7].

Помимо сведений о традиции брака и этнографических особенностях, важным также является упоминание архаичного обряда погребений характерного для племенного объединения радимичей [6]. При этом замечается, что ко времени написания автором, подобный обряд сохранился лишь только у вятичей.

Ряд сведений относится к отношениям между летописными «радимичами» и киевскими князьями. В 907 г. автором ПВЛ фиксируется поход Олега на Константинополь: «...и взял же с собою множество варягов, и славян, и чудь, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известные как толмачи: этих всех греки называли «Великая Скифия»...» [6, с. 5]. Дискуссии и проблемное поле создаётся в результате разделения автором ПВЛ славян и кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей.

Известие от 984 г. повествует о походе князя Владимира на радимичей: «...Пошёл Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперёд себя, и встретил тот радимичей на р. Пищане и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей говоря: Пищанцы от волчьего хвоста бегают. Были же радимичи от рода ляхов, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне...» [6, с. 27].

Несколько иная ситуация складывается вокруг летописных кривичей: «... а у древлян было своё княжение, а у дреговичей своё, а у славян в Новгороде своё, а другое на реке Полоте, где полочане. От тех последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город Смоленск, именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне...». Речь идёт о княжении кривичей в Смоленской земле, часть Сожско-Остёрского междуречья входила в ареал распространения кривичских древностей. Важным является летописный «взгляд» на происхождение северян от кривичей. Общность традиций северян и радимичей, которые описаны выше, может представляться не случайной.

Определённые сведения о характере отношений между кривичами и киевскими князьями также зафиксированы летописцем. «...В год 859 варяги из заморья везли дань с чудь, и со словен, и с мери, и с кривичей...» [6, с. 8]. И далее: «... в год 882 выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов, варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей и пришёл к Смоленску с кривичами и принял власть в городе, и посадил в него своего мужа <...> Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери. Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял и пошёл на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя...» [6, с. 8].

Не менее интересными являются попытки интерпретации некоторых названий городов интересующего нас региона. В частности, А. К. Мейером в работе «Описание Кричевского графства (бывшего староства)» [9] дана интерпретация ранней истории г. Кричев и окрестностей: «...Древнейшие сей части Белой России жители по преданиям многих летописателей были славяне, поляне и отделившиеся уже от них под названием кривичей и радимичей отрасли. Последние две, как известно, весьма часто соединяясь с варягами россами, преисполненные войны противу греков подымали. Кривичи от которых чаятельно и Кричев, (Кривич), называемо местечко, название своё получило, занимали всю страну от Смоленска до Прони в Сож лежащую...» [9].

¹ Либо же сам летописец считал их таковыми.

Памятники археологии, относящиеся к средневековому периоду в Сожско-Остёрском междуречье, представлены городищами, селищами и курганными могильниками. На сегодняшний день на территории региона известно порядка 22 курганных могильников, одно языческое святилище, более 20 селищ, городища в г. Кричев и в окрестностях дд. Егоровка, Роськов, Селище [2; 4; 8].

Среди материалов обозначенных выше памятников примерно 80% находок представлено керамикой. Доля узко датированных вещей достаточно мала. Прежде всего, они присутствуют на памятниках, изученных стационарными работами. В большей степени это касается исследований А.А. Метельского в г. Кричев [8]. Материалы, полученные им на нижних слоях городища и селища вблизи г. Кричев являются реперными в вопросах хронологии и культурной дифференциации материалов в междуречье Сожа и Остра.

Следует также отметить, что большая часть коллекций получена в итоге поверхностных сборов, что, естественно, оставляет ряд вопросов культурно-генетического плана открытыми. Обобщение и анализ материалов позволяет выделить следующие хронологические группы памятников.

Первая группа связана с традициями киевской культуры и круга культур типа Банцеровщина-Колочин-Тушемля. Материалы этого этапа известны на селищах Каменка-3 и городища «Городец» в г. Кричев. Хронологический диапазон укладывается в IV–VII вв. н.э. Вопрос об этнической атрибуции данных культурных групп весьма дискуссионный. Население киевской культуры исследователи связывают с раннеславянскими традициями [11], древности Банцеровщины-Колочина и Тушемли – с балтскими. [8]. Следует заметить и то, что время расцвета и угасания этих культур связано с эпохой Великого переселения народов. Особенно важно отметить наличие в материалах городища «Городец» в г. Кричев позднедьяковских и мощинских сегментов, хорошо известных в Поочье. Эти материалы перекрыты слоем пожараща, вследствие которого жизнь на городище «Городец», по сведениям А.А. Метельского, фактически прекратилась [8]. И здесь в развитии древностей второй половины I тысячелетия н.э. намечается некий разрыв, оценка которого, безусловно, заслуживает внимания.

Вторая группа памятников связана с «южной» культурной традицией и в частности культурой типа Лука-Райковецкая. Проявляется данное явление в материалах селищ Зарубец-4, Зарубец-5, Каменка-1, Каменка-3, Дяговичи-2, городища «Городец» в г. Кричев. Они характеризуют в основном поздние фазы культуры типа Лука-Райковецкая. Хронологический диапазон данного периода – IX–X вв. Однако мы не исключаем, что некоторые образцы керамики могут быть датированы и VIII–IX вв. (Зарубец-4, Каменка-3, Дяговичи-2). По всей видимости, в этот период времени население начинает осваивать долины рек Сож и Остёр, что видно по материалам селищ рассматриваемой территории. Открытым остаётся вопрос о месте роменских и волынцевских сегментов в культурной среде региона. И если прямых аналогий с волынцевской керамикой здесь пока не выявлено, то аналогии роменской керамике в Сожско-Остёрском междуречье встречаются (однако единичные, например – на селище в пойме р. Сож в окрестностях г. Кричев [8]).

В сравнении с первой из выделенных нами групп, культурный облик населения в регионе в IX–X вв. разительно меняется. Это выражено в присутствии раннекруговой керамики с орнаментом в виде волны, горизонтально прочерченных линий, гусеничного штампа. Аналогии такой керамики можно найти в материалах райковецкой культуры, роменской культуры, салтово-маяцкой культуры. При этом важно заметить, что определённые влияния с юга, по всей видимости, связаны с активизацией государства Хазарский каганат, что нашло соответствующее отражение в летописной традиции: радимичи до определённого времени находились в вассальной зависимости от кагана. В археологическом отношении именно салтовская культура определяет этнокультурный облик Хазарского каганата и отдельные элементы этой культуры, возможно, могли оказать влияние на развитие радимичей.

Третья группа памятников связана с повсеместным распространением гончарного круга и появлением серо-глиняной посуды и так называемой керамики «городского типа», использованием сосудов с фигурным, выраженным венчиком, раздутым ту-

ловом. Керамика данной группы зафиксирована в материалах селищ Кулешовка-2, Дяговичи-2, Зарубец-5, Старый Дедин-4, Старые Пранички-2, Старые Пранички-3. Хронологические рамки данного этапа укладываются в X–XIII вв.

Важное место в средневековой археологии региона занимает городище в г. Кричев, расположенное неподалёку от места впадения р. Остёр в р. Сож, что, по-видимому, играло важную роль в развитии торговых связей, формированию селищной структуры вокруг этого укрепленного поселения [8]. Доказательством роли р. Остёр как водной торговой артерии, очевидно, является монетный клад из д. Старый Дедин, обнаруженный в июне 1926 г. [5]. В двух гончарных сосудах находились монеты и их фрагменты, в том числе куфические дирхемы Арабского халифата IX–X вв., милларисий Византии времён императора Иоанна Цимисхия, денарии Германии. Клад предположительно был зарыт около 979 г. [5, с. 18].

Данный клад синхронен второй группе развития селищ в междуречье Сожа и Остра, керамике поздней фазы культуры типа Лука-Райковецкая. Также не исключено, что данный клад является отражением торговых и культурных связей населения региона. По всей видимости, к периоду захоронения клада в Старом Дедин относятся находки на селище Зарубец-4 – четырёхгранное шило и донце раннекругового сосуда с клеймом в виде двух concentрических кругов. Соотношение данных материалов с синхронными памятниками сопредельных территорий позволяет датировать их IX–XIII вв.

Нельзя не отметить факт низкого расположения сельских поселений данного периода по отношению к водоёмам. Данная ситуация связывается с явлением т.н. «климатического оптимума», вследствие которого фиксируется сухой климатический период с незначительным количеством осадков, понижением вод в реках [8]. Данный факт существенен для понимания топографии селищной структуры в междуречье Сожа и Остра в IX–XIII вв.

Таким образом, первая группа памятников междуречья Сожа и Остра отражает развитие культур времени эпохи Великого переселения народов, второй и третий этапы характеризуются началом использования гончарного круга и дальнейшим его совершенствованием, что соответствует этапам, выделенным А.А. Бобринским [1]. Среди фрагментов керамики порядка 60% составляют части глиняных сосудов из грубого теста с примесями толчёного камня, кварцита, песка крупной и средней зернистости. Некоторые фрагменты характеризуются шероховатостью поверхности, о чём свидетельствуют проступающие зёрна песка и дресвы. Стенки отдельных сосудов заглажены (Зарубец-4, Каменка-3), на некоторых фрагментах керамики присутствуют отпечатки пальцев (Зарубец-4).

Начало использования примитивного круга показывают фрагменты донных частей сосудов, поверхность которых характеризуется зернистостью, рыхлостью и пористостью. Очевидно, что такие сосуды формировались на примитивном круге в соответствии со стадией РФК-1 (стадия развития функций гончарного круга, по А.А. Бобринскому) [1]. Для орнамента сосудов, по всей видимости, применялись следующие варианты орнаментов: палочка, резец, гребень [1, с. 27].

Мотивы волны и прорезных линий находят своё отражение в культурах конца IX–XIII вв. на широких пространствах Центральной и Юго-Восточной Европы. Данные мотивы присутствуют в керамических комплексах пеньковской, райковецкой, балкано-дунайской, роменской, волынцевской культур.

С течением времени, в результате совершенствования гончарного производства, появляется чёткий врезной орнамент, керамическая посуда правильных пропорций, т.е. у изделий появляется вид ремесленной продукции. Особенно это видно на ряде фрагментов гончарных сосудов селища Кулешовка-2. С внутренней стороны венчика здесь появляется закраина, низко посаженное горло и «раздутое тулово»; в некоторых случаях закраина на венчике с внутренней стороны выполняла функцию держателя крышки сосуда [1].

Исходя из имеющихся данных о раннесредневековых памятниках междуречья Сожа и Остра, представляется возможным обозначить перспективы исследований в рамках данной темы:

1. Обследование долин рек Сож и Остёр с целью изучения новых памятников, выяснения характера системы расселения в раннесредневековое время.

2. Проведение стационарных работ на уже известных памятниках – селищах, городищах, некрополях.
3. Культурная дифференциация материалов, разработка и детализация хронологии памятников раннесредневекового времени в регионе.
4. Создание свода археологических источников.
5. Подготовка карты раннесредневековых памятников археологии междуречья Сожа и Остра.

Литература:

1. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы / А. А. Бобринский. – Москва : Наука, 1978. – 273 с.
2. Колосов, А. В. Археологические древности Могилёвского Посожья (по материалам экспедиции 2002-2008 гг.) / А. В. Колосов. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – 264 с.
3. Колосов, А. В. Результаты археологических работ в бассейне р. Остёр / А. В. Колосов, Я. Л. Хомченко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. артыкулаў / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 24 : Даследаванні сярэднявечных старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (Памяці Ю.А. Заяца). – С. 278–282.
4. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Кричевского района Могилёвской области / В. Ф. Копытин. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 1999. – 109 с.
5. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилёвской области / В. Ф. Копытин. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 1998. – 109 с.
6. Лихачёв, Д. С. Повесть временных лет / Д. С. Лихачёв. – Москва : Аст, 2003. – 93 с.
7. Макушников, О. А. Поселение второй половины I тысячелетия н. э. близ д. Носовичи в Нижнем Посожье / О. А. Макушников // Гістарычна-археалагічны зборнік: зб. навук. пр. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 227–237.
8. Метельский, А. А. Старадаўні Крычаў: Гіст.-археал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. / А. А. Метельский. — Минск, 2003. — 167 с.
9. Могилёвская старина : сборник статей «Могилёвских губернских ведомостей». Вып. 2. 1900–1901 гг. / под редакцией Е. Р. Романова. – Могилёв : Типография Губернского правления, 1901. – 154 с.
10. Сведения 1873 года о городищах и курганах // Известия археологической комиссии. – Санкт-Петербург, 1903. – Вып. 5.
11. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов [и др.] // АН УССР / Ін-т археологіі. — Киев, 1990. — 488 с.
12. Толочко, А. П. Воображённая народность [давньоруська] / А. П. Толочко // Ruthenica : зб. науч. ст. – Киев, 2002. – Т. 1. – С. 112–117.
13. Фурсов, М. В. Дневник курганных раскопок произведённых по поручению А.С. Дембовецкого, в течении 1892 г. в уездах Рогачёвском, Быховском, Климовичском, Чериковском и Мстиславском / М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилёвской губернии на 1893 г. – Могилёв, 1893.
14. Хомченко, Я. Л. Средневековые памятники бассейна р. Остёр / Я. Л. Хомченко // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріалі доповідей XI міжнар. студент. археолог. конф., Чернівці, 20–22 квітня 2012 р. – Чернівці, 2012. – С. 184.